

Сомнение

К моему неопишуемому удивлению, в глазах многих учеников виднелась не жалость, а зависть.

Как только Ёко Цукимори появилась в школе, все стали бороться за право побыть рядом с ней. В мгновение ока перед ней образовалась крепостная стена.

- Ты в порядке, Ёко-сан? Не устала? Если я чем-нибудь могу помочь, то сразу говори, хорошо?

- Спасибо, Чизуру. Мне стало лучше, когда я увидела твое прекрасное лицо. Мне стоило прийти в школу раньше, - она лучезарно улыбнулась и нежно погладила Усами по щеке, пока Усами обеспокоенно глядела на нее.

Цукимори взглянула на окруживших ее людей. «Я искренне благодарю и всех остальных. Я не могу выразить словами, как я счастлива... что вы беспокоились обо мне. Мне невероятно повезло, что у меня есть такие добрые одноклассники!»

Не прекращая улыбаться, она закрыла глаза и приложила руки к груди.

Подталкиваемые ее глубокими чувствами, одноклассники кротко закивали.

Я едва сдержал смех, видя серьезные лица Камогавы и его приятелей, которые никак не подходили к их образу.

Сначала народ хотел утешить расстроенную Цукимори, но все вышло наоборот. Если бы кто-то сфотографировал то, что происходило в классе, и сказал мне, что это Цукимори утешала своих расстроенных одноклассников, я бы даже не усомнился.

Другими словами, Ёко Цукимори могла спокойно обойтись без нашей никчемной жалости.

Она могла блистать только перед зрителями.

Несмотря на школьную форму и одинаковый возраст, лишь она выделялась из толпы, сверкая, словно луна в темнейшую ночь: великолепная и элегантная.

Поскольку пробиться сквозь защищавшую ее крепость было невозможно, я стал членом массовки, наблюдавшей за очаровательной принцессой издалека.

Впрочем, время от времени наши взгляды встречались.

Я бы соврал, если бы сказал, что не понял ее моливший о спасении взгляд. Но с одной стороны, я бы выглядел глупо, если бы ошибся, а с другой - для меня, ни во что не ставившего рыцарей, было неразумно добровольно браться за столь энергоемкое дело. Потому я выскочил из класса и превосходно исполнил роль массовки, тихо наблюдая за облаками через окно коридора, пока не начался урок.

Положение дел не изменилось даже во время перемены.

Я быстро сообразил, что мне не удастся поговорить с ней в школе, и потому решил во время перерывов коротать время в тихом коридоре, вдали от шума.

В ответ на мое решение умная Цукимори начала писать мне записки и передавать во время

перемен, потому что не могла просто взять и начать разговор.

Чтобы никто не заметил, она передавала их, проходя мимо и не глядя в глаза. В основном, просто засовывала в мой карман.

К окончанию уроков у меня уже было пять записок.

Я разложил их в том порядке получения:

«Почему ты мне не помог?»

«Ты же знаешь, что я чувствую?»

«Нам так долго не удавалось поговорить».

«Я буду в библиотеке во время перерыва на обед».

«Я и забыла, как ты жесток».

Она наверняка поняла, что послания сделали свое дело. Я чувствовал ее нестигаемую гордость - она решила придерживаться эту тактику.

К слову, во время обеденного перерыва я позволил себе поспать. Поскольку мне все равно придется говорить с ней на работе.

Зная ее, оставалась еще одна записка, которую она мне не передала. После прочтения последнего листочка я сразу подумал о «внешкольном» послании.

Как и ожидалось, она обронила клочок бумаги на мою парту, проходя мимо и бодро попрощавшись с одноклассниками.

Я улыбнулся, когда прочел в спешке написанное послание. По меньшей мере, это была просьба, которую я не мог проигнорировать, так что я быстро собрал портфель и вышел из класса.

«За сегодня я очень устала. Мне не хочется идти пешком. Подвези меня на велосипеде до кафе. Взамен я прощу тебя за твое поведение».

Похоже, не так-то легко всегда быть на виду. Простое наблюдение за этим высасывало из меня все силы, а уж о ней и говорить не приходится.

Удовлетворенный тем, что она показала слабость, пусть и на клочках бумаги, я решил исполнить желание принцессы и подвезти ее.

Выходя из школы, я заметил высокого мужчину у парадных ворот.

Он незамедлительно помахал мне рукой, подзывая к себе, «спрятавшемуся» в тени ворот.

Я предпочел бы не замечать его, но он не из тех людей, которые позволяют себя игнорировать. Он просто пойдет за мной, пока не добьется своего.

Я вытащил мобильный телефон и быстро напечатал сообщение. Сказал Цукимори, что не смогу ее подвезти.

Я не хотел вовлекать ее в «это дело». Не из-за героического желания защитить, просто это было чем-то личным.

Ответ пришел спустя пару секунд.

«Ну и катись ко всем чертям!»

Столько символов - вот это скорость! Я с легкостью мог представить, как она в ярости и с невероятной скоростью нажимала на клавиши.

Я понимал, что виноват во всем сам, и несколько расстроился. А потом махнул рукой. В конце концов, именно я избегал ее весь день.

Не было особой причины.

Я просто не хотел быть одним из многих.

- Здорово! Не будем стоять здесь, давай сядем в машину.

Как и всегда, у Конана было хорошее настроение.

- Что тебе нужно?

Я специально ответил так, словно у меня плохое настроение.

- Ты действительно хочешь услышать?

- Да. Мне нужно идти на работу, так что я предпочту воздержаться от бессмысленных бесед.

- М-м... Что ж, я мог бы сказать, но про это в самом деле неприятное дельце не стоит говорить у ворот школы. Все еще хочешь узнать? - спросил он, изогнув бровь, благодаря чему я насладился шокированными взглядами проходивших мимо учеников.

- Ладно, пошли...

- Вот спасибо! С тобой так приятно работать, Нономия-кун!

Понимая, что если мы останемся тут, по школе поползут сплетни, я неохотно последовал за ним.

Ярко-красная спортивная машина Конана, припаркованная в переулке, очень ему шла.

- Крутая тачка, а? Клеевые колечки, ради них я специально купил Ауди, а не Порше, Феррари или Альфа-Ромео. Можешь решить, что у меня хватило жалования только на Ауди, но не нужно говорить это вслух.

- Полицейским можно тут парковаться?

Я не рассмотрел марку машины, зато увидел, что разрешавших парковку знаков здесь не было.

- Все нормально, я ведь детектив. Если меня гипотетически поймают за нелегальную парковку, то я могу просто воспользоваться своим положением и все уладить.

- Что за испорченный мир.

- И кто же его таким сделал?

- Ты же сам понимаешь.

- О, как по-философски. Однако слишком глубоко для меня, так что залезай уже.

Когда он строил из себя идиота, это безучастное лицо ему отлично подходило. Я молча сел в машину.

- Пару дней назад ты рассказал мне, что случилось в тот день, когда пропала мать Ёко, помнишь?

- Да.

Как только я сел на пассажирское сиденье, тон Конана стал серьезным.

Из-за излучаемой им ауры мне показалось, что воздух на долю секунды сгустился, отбросив в сторону мирную атмосферу.

- Я думал об этом, и кое-что кажется мне нелогичным.

Конан открыл окно и зажег сигарету.

- Возьмем звонок от коллеги ее матери. По мне, время было слишком подходящим. Не думаешь, что Ёко-тян заранее подготовила все так, чтобы звонок раздался именно тогда, когда она будет рядом с тобой? – он пустил струйку дыма. – Не странно ли, что телефон зазвонил в тот момент, когда она прижалась к тебе?

Воспоминание о перекрестке, дожде и цветных зонтах вспыхнуло в моей голове.

- И в такой подходящий момент звонит телефон?

Разумеется, я тоже заметил эту деталь. Как бы там ни было, я не знал, как заставить кого-то позвонить в нужный тебе момент.

- Например, она могла оставить свой номер в чьем-то журнале вызовов прямо перед тем, как обнять тебя.

Неожиданное объяснение.

- То есть кто-то мог позвонить ей, пока вы работали.

Пропал учитель кулинарной школы, и до нее никак не могли дозвониться. Вполне вероятно, что ее коллеги позвонили бы на любой, пусть и незнакомый номер, который остался в истории принятых звонков.

- Как бы там ни было, ты не можешь точно сказать, приняла она обратный звонок или нет, - губы Конана растянулись в усмешке. – Ну, пока, скажем, не обнимешь ее.

Я вспомнил то чувство – вибрация на уровне груди.

- Точно, у нее на телефоне был... беззвучный режим.

- Вот-вот. Что ж, не забывай, что мы имеем дело с Ёко-тян. Может, никакого звонка и не было. Другими словами, она притворялась.

- Притворялась?

- Ты когда-нибудь слышал о будильнике на телефоне?

- Конечно! Ты меня что, считаешь... - начал я, но замолк, поняв, куда он клонит.

Конан продолжил: «Вибрация на телефонах активируется не только при входящих звонках. Такой вот будильник - вибрация продолжается, пока ты ее не отключишь».

- И зачем ей это? – тихо спросил я, пока над моей головой витали вопросительные знаки. Вообще, такое вполне могло быть.

- С ней нельзя быть ни в чем уверенным.

Глупо отрицать. Она могла провернуть и не такое.

- Что ж, мы не знаем, притворялась она или нет. Просто мне показалось, что это не исключено. Но это не важно. Забудь. Ведь она хотела совсем не этого.

- Не этого?..

Конан молчал, ожидая моих следующих слов – наверное, заметил, как я задумался.

Она притворилась, что ей позвонили, а значит хотела...

- Привести меня в свой дом?

Он хрустнул пальцами: «Бинго! Все вполне логично. Никто не оставит человека, у которого мать пропала без вести. Даже такой сухарь, как ты. Что ж, и ты пошел вместе с ней».

Я переосмыслил события той ночи и факты, на которые указал Конан.

Это было похоже на восстановление чего-то разрушенного с ужасающей скоростью. И заново выстроенное имело совсем иной облик.

Потушив сигарету в пепельнице, он продолжил: «Думаю, ты понял. Она отдала тебе роль того, кто найдет предсмертное послание».

По моей спине пробежал холодок.

Если он был прав, то все, произошедшее той ночью, происходило по сценарию Ёко Цукимори.

- Кроме этого, есть еще один сомнительный факт. Вспомни, что случилось в ее доме. Если я не ошибаюсь, первым делом она принесла тебе полотенце, - он приподнял голову и пронзительно взглянул на меня. – Какое, к черту, полотенце? Нормальный человек сразу бросится искать свою мать!

Но я решил, что Ёко Цукимори никого не убивала, и потому мог лишь возражать ему, какими бы логичными ни были его доводы.

- В самом деле, в этом ты прав. Но я ясно чувствовал, что там никого не было. То есть

Цукимори должна чувствовать происходящее в доме лучше, чем я, гостивший у нее лишь два раза.

И все же меня поразили его наблюдения.

- То есть Ёко-тян могла понять, что ее матери не было в доме, даже не осмотрев дом?

- Да, - кивнул я.

- Я так не думаю, - Конан уверенно улыбнулся. - Я взрослый, многое знающий о мире человек, так что не могу мыслить столь же прямолинейно, как ты.

Он не зря так выслужился, учитывая, как виртуозно мог делать выводы из таких незаметных фактов. Он был чрезвычайно одаренным человеком. И сумел доказать мне это вновь.

Мне даже не терпелось услышать больше...

- Вероятно, когда ты пришел туда, ее мать уже была мертва, и она знала об этом. Потому она не сильно-то искала ее. Вполне подходит под ее неестественное поведение, согласен?

- И?..

Мой голос немного охрип от напряжения.

- К чему ты клонишь?

Потому что я знал, что ответит Конан.

Как только я отвел глаза... его длинная рука со свистом пронеслась мимо моей головы и с силой оперлась на окно.

- Ты ведь уже думал об этом? Буду краток...

Его резкие черты лица нависли прямо перед моими глазами. Я почувствовал неприятный запах сигарет.

- Эта девочка, Ёко Цукимори, убила свою мать!

После того, как он сделал это заявление, его взгляд прилип к лобовому стеклу.

Я проследил его направление. За прямым переулком находилась главная улица, залитая светом клонящегося к закату солнца. Мы видели бредущих домой учеников, которые были похожи на проплывавших мимо рыб.

Лишь один человек выделялся из общей массы, стоя у начала переулка.

У нее была стройная фигура и длинные волосы. Из-за того, что солнечный свет падал на нее со спины, я не мог разглядеть ее лица. Зато я ясно видел, что за нами наблюдала девушка, учившаяся в старшей школе.

Она не приближалась к нам, просто смотрела и все. Несмотря на это, я как будто чувствовал ее рядом с собой.

Я зарылся в кресло и быстро попросил: «Пожалуйста, поехали отсюда...»

- Уверен? – спросил Конан, его взгляд все еще был прикован к лобовому стеклу.

- Да, - ответил я, и он напряженно хмыкнул.

Затем он переключил передачу и задним ходом на головокружительной скорости выехал из узкого переулка на противоположную улицу.

А я лишь крепко сжимал руки в кулаки.

Всю дорогу Конан молчал, но как только перед нами загорелся красный свет, он вновь заговорил, словно ждал этого момента.

- Уверен, ты и без меня понимаешь, что она удовлетворяет всем условиям, которые нужны для фальсификации предсмертного послания своей матери.

Я кивнул. Это был мой предел. Я не знал, что вылетит из моего рта, если я открою его.

- Она умная девочка. Она знала, что достоверность сильно возрастет, если послание будет найдено кем-то другим, а не ей самой. И она выбрала для этого тебя. Что ж, ее план превосходно сработал, раз уж ты нашел послание.

Я заскрипел зубами.

- Свою мать убить проще простого. То есть не будем даже перечислять способы, которыми она могла ее убить! Все, что оставалось после этого, - прийти в парк и скинуть ее с обрыва.

Я до боли сжимал кулаки.

- Для нее это же так просто.

«Не говори так, словно ты все знаешь! Ты не знаешь ее так, как я!» - мне пришлось бороться с желанием выкрикнуть это.

Теперь мной двигало не нетерпение, а гнев. Меня раздражало, когда кто-то говорил о ней так, словно видел перед собой уничтоженный кем-то сад.

Конан остановил машину на тротуаре и улыбнулся: «Мы на месте».

Я посмотрел через окно и увидел, что он припарковался на главной улице, рядом с кафе.

Я кивнул ему: «Спасибо».

Он легкомысленно улыбнулся и пожал плечами.

- Прости за то, что ошарашил тебя. Но нужно же мне напомнить, что я детектив, - он ухмыльнулся, но его глаза не улыбались. - И я не желаю, чтобы ты считал, что сможешь скрывать от меня все вечно, - взяв за плечо, он подтянул меня ближе. - Буду очень благодарен, если ты сможешь вспомнить что-нибудь полезное, поскольку это избавит меня от кое-какой неприятной работенки...

От его выразительного шепота у меня по спине пробежал холодок. Наверное, такое ощущение возникает, когда тебе угрожают ножом.

Я, не отвечая, отвел взгляд и увидел отражение в окне.

Отражение мрачного мальчика из старшей школы, который не двигал ни одним мускулом, а только моргал. Я заметил, что рука мальчика была прижата к карману у груди.

Я чувствовал знакомое ощущение.

Рецепт убийства.

Я даже не заметил этого движения.

Единственное, что я должен защитить любой ценой.

Потому что только из-за рецепта убийства у меня было преимущество над Конаном и козырная карта против Ёко Цукимори.

Кафе закрылось, я начал уборку. Вдруг тень преградила путь моей швабре. Я взглянул вверх и увидел, что обладательница тени скрестила руки и широко расставила ноги.

- Вы поссорились или что? – спросила меня нахмурившаяся Мирай-сан, глядя сверху вниз.

- Поссорились? Кто? С кем?

Я не прикидывался идиотом. Я в самом деле не знал.

- Ты дурак? Ты и Ёко, конечно, кто же еще?

- Не думаю, что дурак... Почему вы так решили?

- Это чертовски очевидно! Вы не сказали друг другу ни слова.

Опираясь на швабру, я задумался.

- Ни слова?

Я почти ничего не помнил о сегодняшнем рабочем дне.

- Не удивительно. Ты же все время витал в облаках.

Теперь, когда она упомянула об этом, я вспомнил, что в мыслях точно «витал в облаках», раздумывая о разговоре с Конаном. Во время работы я только и делал, что размышлял о том, как обставить его.

Чем больше я думал об этом, тем больше мне казалось, что у меня не было ни единого шанса.

- В любом случае, раз уж ничего нового...

- Протестую!

- Протест отклоняется!

Она не знала жалости.

- Продолжу. Ёко тоже вела себя странно. Как по мне, она тебя избегает, - она выдвинула подбородок и выпрямилась. - Ну, что ты с ней сделал? Ну же, попробуй все объяснить. По

крайней мере, я тебя выслушаю.

Как обычно, она настолько упорно стояла на своем, что это было даже забавно.

- Вы даже не допускаете возможности, что жертвой могу быть я?

- Да. Что бы ни случилось, я буду на стороне Ёко.

- Что за несправедливый мир!

- О-о, ты только заметил? – заносчиво ответила она. – Мир несправедлив и нечестен, где бы ты ни был, иначе не было бы и социального расслоения. Так зачем мне строить из себя святошу, если мир прогнил с самого основания? Я живу по своим правилам.

Если попытаться придать форму слову «самовлюбленный», то непременно получится женщина, стоявшая передо мной.

- Я живу просто.

Что ж, в самом деле просто.

Ее единственным правилом было: «Добиваться своего, что бы ни сказали другие». Ничего более.

Но я не могу даже представить, как сложно было жить с этим «что бы ни сказали». Подобное могут сделать не все. Не у всех хватит сил.

Но она продолжала гнуть свою линию, никому не позволяя вмешиваться в свои дела.

Обычно таких, как она, клеймят смутьянами, эгоистами, некоторые даже ненавидят их. В какой-то степени я согласен, что это было довольно обоснованно.

- Точно. Так просто, что мне почти завидно.

К своей досаде, я понимал ее.

Меня не могла не позабавить женщина, которая могла со сцены послать всех и каждого. Как один из ее фанатов, я подумал: «Парочка таких людей миру не повредят».

- Ладно, теперь ты должен извиниться.

- Перед вами? – я прикинулся дурачком. Изумленная Мирай-сан улыбнулась.

- Идиот. Зачем передо мной? Ты должен извиниться перед «принцессой», которая то и дело поглядывает на нас оттуда! – громко сказала «королева».

Я развернулся и увидел, что Цукимори стояла рядом с кассой. Наши глаза встретились.

- До моих ушей донеслось, что Ваше Высочество пожелало извинений. Истинно ли это? – насмешливо спросил я, после чего Цукимори незамедлительно опустила глаза.

- К чему извинения? Мы же не ссорились, – ответила она, перебирая чеки.

- Боюсь, что Ее Превосходительство придерживается другого мнения.

- Да посмотри же ты, неужели непонятно, что она злится? Ей на лбу, что ли, надо это написать?! Давай, мне уже надоело быть вашим посредником.

- Не беспокойтесь, Мирай-сан. Я совсем не злюсь. Но даже если бы мы были в ссоре, и если бы я желала извинений от Нономии-куна, в них нет смысла, если он не виноват. Я предпочту отсутствие извинений пустому, неискреннему извинению, - сказала Цукимори на одном дыхании.

- «Не беспокойтесь»? «Совсем»? - меня выводили из себя пропитанные иронией намеки Цукимори. - Если человек хочет, чтобы его поняли, надо высказываться как можно яснее, не так ли, Мирай-сан?

- Теперь взглянем на это с другой стороны, Мирай-сан. Какая же это ссора, если Нономия-кун даже не догадывается о том, что сделал.

- Я не стану извиняться! У кого-то просто разыгралось воображение.

- Мирай-сан, забудем об этом идиоте.

Внезапно Мирай-сан взъерошила волосы и...

- А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А!

...закричала во все горло.

- Черт возьми! Просто заткнитесь! Вы действуете мне на нервы!

Менеджер и Саруватари-сан осторожно выглянули из комнаты отдыха, чтобы посмотреть, что тут происходит.

- Вы! Меня! Достали!

Мирай-сан обхватила рукой мою шею. Из-за мягкости того, к чему была прижата моя щека, я понял, что в ней все-таки было что-то женственное.

Она проигнорировала мои жалобы и быстро пошла к кассе, крича по пути: «Иди сюда!»

Добравшись до цели, она, как и ожидалось, вытянула свободную руку и проделала с Цукимори то же самое.

Нам, заключенным в объятьях Мирай-сан, пришлось смотреть друг другу в лицо, хотелось нам этого или нет.

Мне совсем не улыбалось видеть лицо Цукимори, но, к несчастью, скромная грудь Мирай-сан сильно контрастировала с ее характером и не могла заградить мой взор.

Могу сказать, что она никогда не услышит это от меня. Никогда.

- У меня не ангельское терпение! Мне все это надоело! Забудьте об оставшейся работе и просто

выметайтесь!

Она кричала на нас в своей обычной манере.

- Нономия! Извинись перед Ёко! А ты, Ёко, простишь его, когда он извинится! – сказала она, нахмурившись и смотря на нас по очереди. – Мне все равно, что у вас произошло, но чтобы до остановки помирились! А на работу завтра придете так же, как и всегда! Уяснили? Это приказ!

До того, как я это понял, я и Цукимори словно по команде переглянулись и вздохнули.

- Эй, не слышу ответа!

Под градом подавляющих приказов мы вновь переглянулись и вынужденно кивнули: «Хорошо».

Мы молча шли к остановке по узкой аллее, освещаемой только уличными фонарями.

Как только мы вышли на главную улицу, нашему взору предстал ослепительный свет неоновых ламп. Число прохожих возросло пропорционально изменению иллюминации, равно как и шум. Свет фар проезжавших мимо машин окрасил нас в желтый цвет. Вдалеке раздался вой сирены, ответом которой стал громкий лай собаки. А мы все молчали.

Цукимори первой решила разрядить обстановку.

Она внезапно остановилась.

- Ты вел себя странно, - прошептала она, сразу переходя к делу. – Тебя что-то беспокоит?

- Неужели это бросается в глаза? – ответил я вопросом на вопрос.

Она продолжила, чуть выдвинув подбородок: «Может, Конан-сан связан с этим?»

Я не говорил при ней о Конане...

- Я слышала, он приходил в кафе, пока меня не было.

...но понял, что кое о чем она уже знала.

- Если верить Мирай-сан, то вы неплохо ладили, прямо как закадычные друзья.

Что же наговорила ей Мирай-сан? Явно не то, что мне хотелось бы услышать.

- Не твое дело, - отрезал я и отвернулся.

Мне не хотелось говорить об этом детективе.

- Мое!

Я решил разобраться с Конаном без ее вмешательства.

- Сказал же, не твое.

Конечно, я понимал, что она никак не могла догадаться о том, что я просто не хочу ее втягивать.

- Я не могу оставить все как есть! - она внезапно стала серьезной. - Все, что касается тебя, для меня очень важно.

В широко раскрытых глазах Цукимори мое лицо было ужасно безучастным.

Прекрати! Не смотри меня так!

Я не мог жаловаться насчет ее настойчивого желания докопаться до того, что я скрывал, так что мне пришлось ускорить шаг.

- Я ненавижу настойчивых девушек!

Все было бы проще, если бы я просто притворился, но, к несчастью, я не мог скрыть раздражение.

Разумеется, меня очень утомили недавние события. Меня расстраивало отсутствие всякого прогресса с делом Конана. На меня давило отсутствие выхода из этого тупика. Я не мог расслабиться, поскольку он мог узнать о рецепте убийства.

И вдобавок, я чувствовал превосходство Цукимори надо мной.

Внезапно, Цукимори потянула меня за руку: «Пошли». Она заставила меня сесть на старую скамейку рядом с автобусной остановкой. Затем она быстро дошла до торгового автомата и вернулась с двумя банками в руках.

Она улыбнулась: «Тебя ведь нравится 'это'?»

Она протянула мне холодную и влажную банку апельсинового сока. Я был ошеломлен настолько, что забыл о своем раздражении.

Ёко Цукимори не стоило недооценивать. Вероятно, она слышала весь наш разговор в классе.

- Если мы поссоримся и здесь, я не смогу смотреть в глаза Мирай-сан.

Я выхватил у нее банку, открыл крышку и сделал глоток прохладной апельсиновой жидкости.

- Нам везет, за нас кто-то так сильно беспокоится. Согласен?

Кислый, освежающий вкус апельсинового сока эффективно справился с переполнявшими меня эмоциями.

- Все так, как ты и говоришь. Прости.

Цукимори села рядом со мной. «Нет, прости меня, пожалуйста, - ее волосы развевало ветром. - Я попыталась посердиться, - она хихикнула со все еще опущенными вниз глазами. - Потому что получала от тебя от ворот поворот».

Она приблизилась ко мне со взглядом, полным укора.

- Пожалуйста, приди ко мне в гости. Обещаю, что не стану делать ничего такого, ладно? - шутливо сказала она и засмеялась, но в ее глазах я увидел тень одиночества. Я вспомнил, что сейчас она была совсем одна.

Дом Цукимори был большим и, должно быть, казался еще больше, поскольку с ней никто не

жил. Меня посетили тревожные мысли.

- Ну, у тебя было чем заняться.

Конечно, из-за Конана я не мог найти силы, чтобы ухаживать за Цукимори, но я испытывал слабое чувство вины из-за того, что бросал ее в одиночестве.

- О да, все потому, что кое-кто не только не помог мне, но и вообще забыл про меня, и поэтому у меня не было времени восстановить силы.

- Что ж, сочувствую.

- Видимо, ты не шутишь, а говоришь серьезно... - Цукимори намеренно пожала плечами и вздохнула.

Как и следовало ожидать, я отдал делу с Конаном больший приоритет, чем ситуации, в которой оказалась Цукимори.

- Так или иначе, я постараюсь вести себя в кафе так же, как и всегда, поэтому скажи Мирай-сан что-нибудь доброе, - я завершил наш разговор и поднялся со скамейки.

- Конан-сан и ты похожи на братьев, - пробормотала Цукимори. - Может быть, из-за этого я и чувствовала, что меня бросили, и была недовольна.

Я вновь сел на скамейку и взглянул на ее задумчивое лицо со стороны.

- Конан-сан и я похожи на братьев, говоришь? Разве ты и из Мирай-сан не делала мою родственницу?

- Да, делала. Вы трое очень похожи. Конечно, я имею в виду не внешность.

- Не желаешь объяснить?

Мне было очень интересно, как я выглядел в ее глазах.

- Как бы сказать... Не знаю, правильно ли использовать это выражение, но вы трое почему-то похожи своим «образом жизни».

- «Образом жизни», да.

- Мне жаль, что я не могу выразиться яснее.

- Нет, думаю, я понял, что ты имела в виду.

«Образ жизни» был довольно многозначным термином, но если понимать его, как «наши ценности», то я признавал, что в этом мы похожи. Во многом я разделял их ценности.

Мнение Цукимори было наиболее интересным, поэтому мне хотелось спросить еще. Особенно о Конане.

- Скажи, что ты думаешь о Конане? Он довольно странный парень, да?

Цукимори положила подбородок на ладони и многозначительно вздохнула: «Конечно странный!»

- Ты не слишком довольна, - отметил я.

- Мне он не нравится. Неуютно от его присутствия, потому что постоянно приходится остерегаться его попыток расковырять мой характер. Поэтому находиться рядом с ним довольно утомительно. Детективы все такие?

Она опустила плечи, словно ее пробрала дрожь.

Я редко видел ее такой. Впрочем, если дело касается Конана, то у любого будет подобная реакция.

- А вот рядом с тобой мне хочется проводить один час за другим. Отчего же это?

Она вскинула голову и взглянула на мое лицо, подобно маленькому дьяволенку.

- И не спрашивай, - я отвел глаза, удостоив ее взглядом. - Не знаю о других детективах, но я уверен, что он необычный детектив. Он все время водит меня за нос. Я ему не ровня.

Точно. Я был в тупике. Возможно, для меня он был слишком сильным противником.

- Но ты, как человек, похожий на него, должен понимать Конана-сана лучше, чем я, - сказала она. - Ведь так? - рот Цукимори растянулся в улыбке-полумесяце.

Мое сердце на мгновение перестало биться.

- Тебе не кажется, что он интересуется тобой больше, чем это необходимо, потому что ты ему нравишься? Вполне нормально по-особому относиться к людям, которые понимают тебя.

Мое сердце бурно реагировало на каждое ее слово.

- Нет. Я понятия не имею, о чем он думает.

- В самом деле. Время от времени я тоже понятия не имею, о чем ты думаешь, Нономия-кун, - она хихикнула, а ее волосы качнулись.

Мой разум затуманился - зацепка была так близка, а я не мог увидеть ее.

- Куда ты клонишь? Я так и не понял, что ты хочешь сказать.

Но я был уверен, что она есть.

- М-м, как я и говорила, вы похожи!

Цукимори озорно улынулась и замурлыкала.

- Нет, это я уже слышал.

Когда я умоляюще взглянул на нее, она слегка пожала плечами и, наконец, открыла рот.

Мой разум прояснился, когда ее слова достигли сознания.

- Если хочешь узнать, о чем он думает, просто подумай, что бы ты сделал на его месте!

«Потому что вы похожи. Поэтому ваш ход мысли тоже должен совпадать», - добавила она с улыбкой.

Не дожидаясь, пока она закончит, я начал размышлять.

Я сравнил действия Конана с моими мыслями. Что бы я сделал? Что бы мне захотелось сделать? Бесчисленное количество идей заполонило мой разум.

- Прости. Мне нужно кое-что сделать, - быстро сказал я, вложил 120 йен в ее ладонь и побежал домой. Я мчался по ночному городу, не заботясь о ее крике, цепляющемся за мои уши.

Мне просто хотелось побыть в одиночестве. Побывать в одиночестве и разобраться в мыслях.

Я не нашел ответа, как мне решить проблему с Конаном - я собирался подумать об этом сейчас - но я был на правильном пути.

Это дело не обязательно должно иметь ясный конец. И то, что скрывалось за инцидентом, было неважно. В этих двух вещах я был уверен.

Почему? Потому что я так чувствовал.

<http://tl.rulate.ru/book/6269/115458>